

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков

Я видел их; я любовался ими долго; они, чуть всхлипывая, плавали, без устали плавали туда и сюда за стеклянной преградой, в дымке воды неподвижной, бледно-зеленой, как дрема, как вечность, как внутренний мир слепца. Они были огромные, округлые, красочные: казалось, фарфоровую их чешую расцвел тщательный китаец. Я глядел на них как во сне, очарованный тайною музыкой их плавных, тонких движений. Между этих мягко мерцающих великанов юркала цветистая мелюзга – крошечные призраки, напоминающие нежнейших бабочек, прозрачайших стрекоз. И в полумглистом аквариуме, глядя на всех этих сказочных рыб, скользких, дышущих, выпучивших глаза в свою бледно-зеленую вечность, – я вспомнил прохладные, излучистые стихи английского поэта, который чуял в них, в этих гибких, радужных рыбах, глубокий образ нашего бытия.

Руперт Брук... Имя это еще не известно на материке, а тем паче в России. Руперт Брук (1887 – 1915) представлен двумя легкими томиком, в которых собрано около восьмидесяти стихотворений. В его творчестве есть редкая пленительная черта: какая-то сияющая влажность, недаром он служил во флоте, недаром и само имя его означает по-английски: ручей. Эта тютчевская любовь ко всему струящемуся, журчащему, светло-студеному выражается так ярко, так убедительно в большинстве его стихов, что хочется их не читать, а всасывать через соломинку, прижимать к лицу, как росистые цветы, погружаться в них, как в свежесть лазоревого озера. Для Брука мир – водная глубь, "зыбкая, изменчивая, дымчатая, в которой колеблющиеся тени вздуваются и зияют таинственно... Странная нежность глубины смягчает потонувшие в ней краски, раздробляет черный цвет на его составные оттенки, подобно тому как смерть расчленяет жизнь. Вот алый сумрак, таящийся в сердцах роз, вот синий лоск мертвых беззвездных небес, вот золотистость, лежащая за глазами, вот та неведомая, безымянная, слепая белизна, которая является основным пламенем ночи, вот тускло-лиловая окраска, вот матовая зелень, – тысячи тысяч оттенков, цветущих между тьмой и тьмой". И все краски эти дышат, движутся, образуют чешуйчатые существа, которых мы зовем рыбками; и вот, в тонко-жутких стихах поэт передает весь трепет жизни их.

В полдневный час, ленивым летом,
овеянная влажным светом,
в струях с изгиба на изгиб,
блуждает сонно-сытых рыб
глубокомысленная стая,
надежды рыбы обсуждая,
и вот значенье их речей:
"У нас прудок, река, ручей;
но что же дальше? Есть догадка,
что жизнь – не все; как было б гадко
в обратном случае! В грязи,
в воде есть тайные стези,
добро лежит в их основанье.
Мы верим: в жидком состоянье
предназначенье видит Тот,
кто глубже нас и наших вод.

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Мы знаем смутно, чуем глухо

грядущее не вовсе сухо!
"Из ила в ил!", - бормочет смерть;
но пусть грозит нам водоверть,
к иной готовимся мы встрече...
За гранью времени, далече,
иные воды разлились.
Там будет слизистее слизь,
влажнее влага, тина гуще...
Там проплывает Всемогущий,
с хвостом, с чешуйчатой душой,
благодать, чудовищно-большой,
извечно царствовавший над илом...
И под Божественным правилом
из нас малейшие найдут
желанный, ласковый приют...
О, глубь реки безмерно мирной!
Там, под водою, в мухе жирной
крючок зловещий не сокрыт...
Там тина золотом горит,
там - ил прекрасный, ил пречистый.
И в этой области струистой
ах, сколько райских червячков,
бессмертных мошек, мотыльков
какие плавают стрекозы!"
И там, куда все рыбы грезы
устремлены сквозь влажный свет,
там, верят рыбы, суши нет...

В этих стихах, в этой дрожащей капле воды, отражена сущность всех земных религий. И Брук сам - "грезящая рыба", когда, заброшенный на тропический остров, он обещает своей гавайской возлюбленной совершенства заоблачного края, "где живут бессмертные, - благие, прекрасные, истинные, те Подлинники, с которых мы - земные, глупые, скомканные снимки. Там - Лик, а мы здесь только призраки его. Там - верная беззакатная Звезда и Цветок, бледную тень которого любим мы на земле. Там нет ни единой слезы, а есть только Скорбь. Нет движущихся ног, а есть Пляска. Все песни исчезнут в одной Песне. Вместо любовников будет Любовь..." Но тут, спохватившись, поэт восклицает: "Как же мы будем плести наши любимые венки, если там нет ни голов, ни цветов? Господи, как мы станем жалеть о пальмах, о солнце, о юге. И уж больше, кажется, не будет поцелуев, ибо все уста сольются в единые Уста... Внемли зову луны и шепчущим благоуханьям, которые блуждают вдоль

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
теплой лагуны. Поспеши, положив руку в руку человеческую, сквозь сумрак цветущей тропы к белой полосе песка и в мягкой ласке воды смой пыль мудрованья. И до зари, под сияющей луной, нагоняй в беззвучно-глубокой воде чье-то мерцающее тело и теневые волосы, а то предавайся волне полудремотно. Нырять, изгибайся, выплывай, выглядывай из цветов, смейся, призывай – пока уста наши еще не поблекли, пока у нас на лицах не стерлась печать нашего "я"..."

Ни один поэт так часто, с такой мучительной и творческой зоркостью не вглядывался в сумрак потусторонности. Пытаясь ее вообразить, он переходит от одного представления к другому с лихорадочной торопливостью человека, который ищет спички в темной комнате, пока кто-то грозно стучится в дверь. То кажется ему, что он, умерев, проснется "на широкой, белесой, сырой равнине, придавленной странными, безглазыми небесами" и увидит себя "точкой неподвижного ужаса... мухой, прилипшей к серой, потной шее мертвеца", – то предчувствует он безмерное блаженство. Предчувствие это жарче всего бьется в стихотворении "Прах".

Вот оно в русском переводе:

Когда, погаснув, как зарницы,
уйдя от дальней красоты,
во мгле, в ночи своей отдельной,
истлею я, истлеешь ты;
когда замрет твой локон легкий,
и тяжкий тлен в моих устах
прервет дыханье, и с тобою
мы будем прах, мы будем прах,
как прежде, жадные, живые,
не пресыщенные, – о, нет!
блестя и рея, мы вернемся
к местам, где жили много лет.
В луче мы пылью закружимся,
былых не ведая оков,
и над дорогами помчимся
по порученьям ветерков.
И станет каждая пылинка,
блестя и рея тут и там,
скитаться, как паломник тайный,
по упоительным путям.
Не отдохнем, пока не встретит,
за непостижную чертой,
один мой странствующий атом
пылинку, бывшую тобой.
Тогда, тогда, в саду спокойном,

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
в вечерних ласковых лучах,

и сладостный, и странный трепет
найдут влюбленные в цветах.

И средь очнувшегося сада,
такое счастье, такой
призыв воздушно-лучезарный
они почуют над собой,
что не поймут – роса ли это,
огонь ли, музыка, иль цвет,
иль благовонье, или двое,
летающие из света в свет.

И, с неба нашего блаженства
испепеляющего, крик
заставит вспыхнуть их пустые
и нищие сердца – на миг.
И в расползающемся мраке
они, блеснув, потухнут вновь,
но эти глупые людишки
на миг постигнут всю любовь...

Между этих крайностей разворачивается вереница более спокойных образов. Вот на берегах Леты, среди мифологических кипарисов, поэт встречает свою умершую любовницу, и она, беспечная Лаура эта, вскидывает темно-русой очаровательной головой", так потешает ее вид древних мертвых – Сократ курносый, щуплый Цезарь, завистливый Петрарка.

Вот, взбежав на цветущий холм – где-нибудь под Кембриджем, – Руперт, весело запыхавшись, восклицает, что душа его воскреснет в поцелуях будущих влюбленных. А то облака ласкают его воображение.

Их сонмы облекли полночный синий свод,
теснятся, зыблются, волнуются безгласно,
на дальний юг текут; к таящейся, прекрасной
луне за кругом круг серебряный плывет.
Одни, оборотясь, прервав пустынный ход,
движеньем медленным, торжественно-неясно
благословляют мир, хоть знают, что напрасно
моление, что земли моление не спасет.
Нет смерти, говорят; все души остаются
среди наследников их счастья, слез и снов...

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Я думаю, они по синеве несутся,

печально-пышные, как волны облаков;
и на луну глядят, на гладь морей гудящих,
на землю, на людей, туда-сюда бродящих.

Отсюда недалеко до полной примиренности со смертью, и действительно
четырнадцатый год нашего столетия внушает Бруку пять цветных сонетов, озаренных
как бы изнутри чудесной кротостью.

Их душу радости окрасили, печали
омыли сказочно. Мгновенно их влекли
улыбки легкие. Вся радужность земли
принадлежала им, и годы их смягчали.
Они видали жизнь и музыке вдали
внимали. Знали сон и явь. Любовь встречали
и дружбу гордую. Дивились. И молчали.
Касались щек, цветов, мехов... Они ушли.
Так ветры с водами смеются на просторе,
под небом сладостно-лазоревым, но вскоре
зима заморозит крылатую волну,
плясунью нежную, и развернет морозный
спокойный блеск, немую белизну,
сияющую ширь, под небом ночи звездной.

А вот другой сонет из того же ряда. Черновик его хранится под стеклом в
Британском Музее между рукописью Диккенса и записной книжкой капитана Скотта.

Лишь это вспомните, узнав, что я убит:
стал некий уголок, средь поля на чужбине,
навек Англией. Подумайте: отныне
та нежная земля нежнейший прах таит.
А был он Англией взлелеян; облик стройный
и чувства тонкие Она дала ему,
дала цветы полей и воздух свой незнойный,
прохладу рек своих, тропинок полутьму.
Душа же, ставшая крупницей чистой света,
частицей Разума Божественного, где-то
отчизной данные излучивает сны:
напевы и цвета, рой мыслей золотистый
и смех, усвоенный от дружбы и весны

под небом Англии, в тиши ее душистой.

Мне хотелось показать на этих примерах разнообразие тех цветных стекол, сквозь которые Брук, перебегая от одного к другому, глядит вдаль, стараясь различить черты приближающейся смерти. Мне сдается, что его так упорно тревожит не столько мысль о том, что он найдет т а м, сколько мысль о том, что покинет он з д е с ь. Он любит землю страстно. Для него земная жизнь словно первая любовь, и хоть он чувствует, что за ней последуют другие романы, но всплески солнца, вопли ветра, уколы дождя – сверкающее величие и сверкающую боль этой первой любви ему уж ничего не сможет заменить – ни холодные лобзания небесных звезд, ни с а д и с т и ч е с к и е л а с к и б е з н о с о й с м е р т и, ни ангельские серенады, ни призрачные красавицы, блуждающие над Летой. В небольшой, очень тонкой поэме о Деве Марии мерцает та же мысль: Архангел Гавриил, как золотая точка, исчез в небе, Мария впервые почувствовала в теле своем биение второго сердца – божественное биение, отделившее Ее от мира, озарившее Ее горним светом, но... "воздух стал холоднее, серее...". В этот миг Она, вероятно, поняла, что кончилась Ее земная жизнь, что больше уж никогда Она не будет играть и петь и ласкать маленьких белых коз, среди крокусов, под оливами.

Повторяю: Руперт Брук любит мир, с его озерами и водопадами, страстной, пронзительной, головокружительной любовью. Он желал бы в час смерти унести его под полую и потом, где-нибудь в надсолнечном пределе, на досуге разглядывать, ощупывать без конца свое нетленное сокровище. Но он знает, что хоть и найдет он, быть может, невыразимо прекрасный рай, а все-таки свою влажную, живую, яркую землю он покинет навсегда. Чувя близкий конец, он пишет восторженное завещание – пересчитывает свои богатства и, торопясь, составляет сумбурный список всего того, что любил он на земле. А любит он многое: белые тарелки и чашки, чисто-блестящие, обведенные тонкой синью; и перистую прозрачную пыль; мокрые крыши при свете фонарей; крепкую корку дружеского хлеба; и разноцветную пищу; радуги; и синий горький древесный дымок; и сияющие капли дождя, спящие в холодных венчиках цветов; и самые цветы, колеблющиеся по зыби солнечных дней и мечтающие о ночных бабочках, которые пьют из них, под луной; также – свежую ласковость простынь, которая скоро сглаживает всякую заботу; и жесткий мужской поцелуй одеяла; зернистое дерево; живые волосы, блестящие, вольные; синие, громоздящиеся тучки; острую, бесстрастную красоту огромной машины; благодать горячей воды; пушистость меха; добрый запах старых одежд; а также уютный запах дружеских пальцев, благоуханье волос, и пахучую сырость мертвых листьев и прошлогодних папоротников; младенческий смех студеной струи, бьющей из крана или из почвы; ямки в земле; и голоса поющие; и голоса хохочущие; и телесную боль, унимающуюся так быстро; и мощно-пытящий поезд; твердые пески; и узкую бахромку пены, которая рыжеет и тает, пока возвращается волна в море; и влажные камни, яркие на час; сон; и возвышенные места; следы ног на пелене росы; и дубы; и коричневые каштаны, лоснящиеся как новые; и сучки, очищенные от коры; и блестящие лужи в траве..."

И тут Брук находит мимолетное утешение в мысли о славе: "Мою ночь, говорит он, запомнят благодаря одной звезде, превзошедшей блеском все солнца всех человеческих дней, ибо не увенчал ли я бессмертной хвалой тех, которых я любил, которые дали мне свою душу, выпытывали вместе со мной великие тайны и в темноте преклоняли колени, чтобы увидеть неопишемое божество наслажденья?"

И снова забыв, что "смех умирает с устами смеющимися, любовь – с сердцами любящими", поэт в трепетных ямбах сливает жизнь и смерть в одно пламенное упоенье.

Из дремы Вечности туманной,
из пустоты небытия,
над глубиною гром исторгся:
тобою призван, вышел я.
Я расшатал преграды Ночи,
законы бездны преступил,

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и в мир блистательно ворвался

под гул испуганных светил.
Распалось вечное молчанье...
Я пролетел – и Ад зацвел.
Каким же знаком докажу я,
что наконец тебя нашел?
Иные вычеканю звезды,
напевом небо раздроблю...
В тебе я огненной любовью
свое бессмертие люблю.
Ты уязвишь седую мудрость,
и смех твой пламенем плеснет,
я именем твоим багряным
исполосую небосвод.
И рухнет Рай, и Ад потухнет
в последней ярости своей,
и мгла прервет холодным громом
стремленья мира, сны людей.
И встанет Смерть в пустых пространствах
и, в темноту из темноты
скользя неслышно, убоится
сиянья нашей наготы.
Любви блаженствующей звенья,
ты, Вечность верная, замкни!
Одни над мраком мы, над прахом
богов низринутых, – одни...

Но не всегда женщина является для Брука вечной спутницей, залогом бессмертия. Так же как и в стихах, посвященных "великому быть может", Брук в своих изображениях женщины и любви зыбок, переменчив, как луч фонарика, освещающего мимоходом то лужу, то цветущий куст. Он переходит от дивного безумия, внушившего ему "Прах" и "Призыв", к каким-то мучительным чертежам, рисуя "неутоленные, раскоряченные желанья... причудливый образ, льнувший к такому же запутанному образу, личины ползущие, потерянные, извилистые, вязнущие, уродливо сплетающиеся, безумно блуждающие по прихоти углубляющихся тропин и странных выпуклых путей".

Брук еще кое-как мирится с "причудливостью" человеческого тела, когда тело это молодо, стремительно, чисто, но что вызывает в поэте злобу и отвращенье, – это дряблая старость с ее беззубым, слюнявым ртом, красными веками, поздней похотливостью... И доисторический прием – сопоставление весны и увяданья, грезы и действительности, розы и чертополоха обновляется Бруком необычайно тонко.

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Примером могут послужить следующие два сонета:

Троянские поправ развалины, в чертог
Приамов Менелай вломился, чтоб развратной
супруге отомстить и смыть невероятный
давнишний свой позор. Среди крови и тревог
он мчался, в тишь вошел, поднялся на порог,
до скрытой горницы добрался он неслышно,
и вдруг, взмахнув мечом, в приют туманно-пышный
он с грохотом вбежал, весь огненный как бог.
Сидела перед ним, безмолвна и спокойна,
Елена белая. Не помнил он, как стройно
восходит стан ее, как светел чистый лик...
И он почувствовал усталость, и смиренно,
постылый кинув меч, он, рыцарь совершенный,
пред совершенною царицею поник.

Так говорит поэт. И как он воспоеет
обратный путь, года супружеского плена?
Расскажет ли он нам, как белая Елена
рожала без конца законных чад и вот
брюзгою сделалась, уродом... Ежедневно
болтливый Менелай брал сотню Трой меж двух
обедов. Старились. И голос у царевны
ужасно-резок стал, а царь – ужасно глух.
"И дернуло ж меня, – он думает, – на Трою
идти! Зачем Парис втесался?" Он порою
бранится со своей плаксивою каргой,
и, жалко задрожав, та вспомнит про измену.
Так Менелай пилил визгливую Елену,
а прежний друг ее давно уж спал с другой.

Еще резче высказывается это отвращение к дряхлости в стихотворении "Ревность",
обращенном, вероятно, к новобрачной. В нем поэт так увлекается изображеньем
грядущей старости розового, молодцеватого супруга, которого он уже видит лысым,
и жирным, и грязным, и Бог знает чем, – что только на тридцать третьей –
последней – строке спохватывается: "ведь когда время это придет, ты тоже будешь
старой и грязной..."

Мне кажется, что и в этом стихотворении, и в другом, посвященном поразительно
подробному и довольно отвратительному разбору морской болезни, явленья которой
тут же сравниваются с воспоминаньями любви, Брук слегка щеголяет своим уменьем

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
зацепить и выхватить, как бирюльку, любой образ, любое чувство, слегка чернить
исподнюю сторону любви, как чернил (в стихотворении о "мухе на серой потной шее
мертвеца", упомянутом выше) вид загробного края. Он отлично знает, что смерть -
только удивленье; он певец вечной жизни, нежности, лесных теней, прозрачных
струй, благоуханий; он не должен был бы сравнивать жгучую боль разлуки с изжогой
и отрыжкой.

Как-никак Брук не был счастлив в любви. Знаменательно то, что полное безоблачное
блаженство с женщиной он может представить себе только перенося и себя, и ее за
предел земной жизни. Бесконечно любя красоту мира, он часто чувствует, что
неуклюжая, нестройная страсть нарушает своей прозаической походкой светотени и
мягкие звуки земли. Это вторжение гуся позы в сад поэзии выражено у него
следующим образом.

Моими дивными деревьями хранимый,
лежал я, и лучи уж гасли надо мной,
и гасли одинокие вершины,
омытые дождем, овеванные мглой.
Лазурь и серебро и зелень в них сквозили;
стал темный лес еще темней;
и птицы замерли; и шелесты застыли,
и кралась тишина по лестнице теней.
И не было ни дуновенья...
И знал я в это вещее мгновенье,
что ночь и лес и ты - одно,
я знал, что будет мне дано
в глубоком заколдованном покое
найти сокрытый ключ к тому,
что мучило меня, дразнило: почему
ты - ты, и ночь - отрадна, и лесное
молчанье - часть моей души.
Дыханье затаив, один я ждал в тиши,
и, медленно, все три мои святыни
три образа единой красоты
уже сливались: сумрак синий,
и лес, и ты.
Но вдруг
все дрогнуло, и грохот был вокруг,
шумливый шаг шута в неискренней тревоге,
и треск, и смех, слепые чьи-то ноги,
и платья сверстящий звук,

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и голос, оскорбляющий молчанье.

Ключа я не нашел, не стало волшебства,
и ясно зазвучал твой голос, восклицанья,
тупые, пошлые, веселые слова.

Пришла и близ меня заквакала ты внятно...

Сказала ты: здесь тихо и приятно.

Сказала ты: отсюда вид неплох.

А дни уже короче, ты сказала.

Сказала ты: закат – прелестен.

Видит Бог,

хотел бы я, хотел, чтоб ты в гробу лежала!

А то поэт жалуется, что возлюбленная его не понимает: он просит у нее кротости – она его целует в губы, просит сокрушительных восторгов – она целует его в лоб. Он сам признается, что он принадлежит к числу тех, которые "блуждают в туманах между раем и адом, взывают к призракам, хватают, и сами не знают, любят ли они вовсе, а если и любят, то кого даму ли из старинной песни, шута ли в маскарадном платье, или привиденье, или свое собственное лицо, отраженное во мраке". Один из таких призраков ему однажды и явился.

Усталый, поздно возвратился

я в сумрак комнатки моей,

к уюту бархатного кресла,

к рубинам тлеющих углей.

Вошел тихонько я и... замер:

был женский облик предо мной:

щеки и шеи светлый очерк,

прически очерк теневой,

да, в кресле кто-то незнакомый,

вон там, сидел ко мне спиной.

И волосы ее и шею

я напряженно наблюдал;

на миг застыл, потом рванулся

и никого не увидел

Игра пустая, световая,

лишь окудесила меня

теней узоры да подушка

на этом кресле у огня.

О вы, счастливые, земные,

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
скажите, мог ли я уснуть?

Следил я, как луна во мраке
свершала крадучись свой путь
по стенке, в зеркале, на чашке...
Я в эту ночь не мог уснуть.

Порою же Брук чувствует, что как будто собственное тело мешает ему любить, и в прекрасных стихах изображает ту странную внезапную холодность, за которую некогда так обиделась венецианка на робкого Руссо. Он вкусил бы полного счастья, если женщина была бы цветущим деревом, сверкающим потоком, ветром, птицей. Как только в ней человек заслоняет богиню, как только визг дешевой скрипки нарушает тишину сияющей ночи, Брук страдает, томится, проклинает этот мучительный разлад. И последствием его исканий, падений, разочарований, любовных неудач является чувство не только личного, но и космического одиночества, которое, впрочем, он ощущает только в глухие часы бессонницы, когда сумраком скрыт пленительный видимый мир.

Было поздно, было скучно,
было холодно, и я
звездам – братии веселой
позавидовал: друзья
золотые, хорошо вам!
Не тоскует никогда
со звездой лучезарной
неразлучная звезда.
Светом нежности взаимной,
светом радостей живых,
беззаботностью, казалось,
свыше веяло от них.
Так, быть может, и Создатель
смотрит с вышины своей,
развлекаемый веселой
вереницею людей,
и не ведает, что каждый
в одиночестве своем,
как потерянный в пустыне,
бродит в сумраке немом.
Я-то ведал, полюбил их,
пожалел от всей души:
там, в пустынях непостижных,
в угнетающей тиши,

тлели звезды одиноко,
и с далеким огоньком
огонек перекликался
комариным голоском...

Отметим, кстати, что Брук любит изображать Бога – с бородой, в мантии, на золотом престоле. (Точно так же, как и рыбы представляют себе какого-то чешуйчатого, хвостатого Юпитера, плавающего в Райской Заводи.) Но вот что однажды случилось:

Алмазно-крепкою стеною от меня
Всесильный отделил манящую отраду.
Восстану, разобью угрюмую ограду
и прокляну Его, на троне из огня!
Всю землю я потряс хулой своей великой,
но пламенем Любовь вилась у ног моих,
и, гордый, я дошел до лестниц золотых,
ударил трижды в дверь, вошел с угрозой дикой.
Дремал широкий двор; он полон солнца был
и полон отзвуков бесплодных. Мох покрыл
квадраты плит сквозных и начал, неотвязный,
в покои пыльные вползать по ступеням...
Внутри – пустой престол; и веет ветер праздный
и зыблет тяжкие завесы по стенам.

Не совсем ясен смысл сонета этого: земная любовь ли победила и низвергла Бога, хотел ли поэт выразить ту мысль, что внешний Бог-Саваоф нераздельно связан с Богом "внутри нас" и потому исчезает, как только человек начинает его отрицать, или же смысл заключается в том, что Бог просто умер и давно уже не правит миром? Темен и символ другого стихотворения, схожего по духу с вышеприведенным сонетом.

По кругам немым, к белоснежной вершине земли
четыре архангела ровно и медленно шли:
огромные крылья сложив, выделяясь на небе пустом,
несли они гробик убогий; ребенок покоился в нем,
да, верно, – ребенок (хоть склонны мы думать, что Бог
не мог бы ребенка увлечь от весенних дорог:
и в хрупкой и в жуткой скорлупке смахнуть его прочь
в пространства пустынные, в тишь бесконечную, в ночь).
И вниз они глянули, сбросив с вершины крутой,
в объятья неведомой тьмы, черный гробик простой,

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и Господа жалкое тельце, свернувшись в клубок,

лежало в нем, точно измятый, сухой лепесток.

Он в бездне исчез, и в молчанье, один за другим

архангелы грустно спустились к равнинам пустым.

Оба эти стихотворения относятся к наиболее ранним произведениям поэта (они написаны в 1906-м году), и хоть сами по себе образны и величавы, но едва ли являются отличительными для Брука. Он так ярко чувствует божественное в окружающей природе, – на что ему эта бутафорская вечность, эти врубельские ангелы, этот властелин с ватной бородой? Пускай светляки веруют в электрический маяк, стрекозы – в моноплан-антуанет, цветы – в исполинскую викторию-регию, кроты в слепое, бархатное чудище; пускай в захолустном городке добрые мещане, хныкая, приговаривая, сморкаясь в огромные клетчатые платки, теснятся вокруг тела умершей девушки мимолетной возлюбленной странствующего поэта: "Они положили медяшки на твои серые глаза, подвязали падающую челюсть, их мысли, как мухи, ползут по твоей коже... – а я, говорит поэт, я не буду на твоих поминках, не буду с ними есть кутью" – и он из белого душевного городишка уходит на вершину холма, исполненный ликующих воспоминаний, и там, наедине со звездами и с ветром, служит величавую панихиду... Он теперь счастлив: его возлюбленная слилась с той вечной, стоцветной, стозвучной природой, которую он так жадно любит. Впрочем, и в любви к природе Руперт Брук прихотливо узок, как и все поэты всех времен.

Киплинг говорит где-то: "Сердце человека так невелико, что всю Божью землю он любить не в состоянии, а любит только родину свою, да и то один какой-нибудь ее уголок". Так Пушкин любил "перед избышкой две рябины", а Лермонтов – "чету белеющих берез". И Руперт Брук, говоря о своей любви к земле, втайне подразумевает одну лишь Англию, и даже не всю Англию, а только городок Гранчестер – волшебный городок. Сидя в берлинском кафэ-дес-Вестенс, Брук в душный летний день с упоеньем вспоминает о той мглисто-зеленой, тенисто-студеной реке, которая протекает мимо Гранчестера. И говорит он о ней точь-в-точь в таких же выраженьях, как говорил о благоуханной гавайской лагуне, ибо лагуна эта была, в сущности, все та же родная, узкая речка, окаймленная ивами и живыми изгородями, из которых там и сям выглядывает "неофициальная английская роза". В непереводаемых журчащих стихах он заставляет сотню призрачных викариев плясать при луне на полях; фавны украдкой высовываются из листвы; выплывает наяда, увенчанная тиной; тихо свирелит Пан. С глубокой нежностью поэт воспевает сказочный свой городок, где живут люди чистые и телом и душой, такие мудрые, такие утонченные, что стреляются они, как только подступает тусклая старость...

Я как-то проезжал на велосипеде через Гранчестер. В окрестных полях мучили глаз заборы, сложные, железные калитки, колючие проволоки. От грязных, кирпичных домишек веяло смиренной скукой. Ветер сдуру вздувал подштанники, развешанные для сушки меж двух зеленых колов, над грядками нищенского огорода. С реки доносился тенорок хриплого граммофона.

Я попытался в общих чертах наметить поэтический облик Руперта Брука. Смерть, которую он так чутко подкарауливал, невзначай застала его в лиловом Эгейском море, в солнечный, гладкий день. Он недолго прожил, и разноцветность его настроений зависит отчасти от того, что он как-то не успел разобраться в богатствах своих, не успел при жизни слить все краски земли в единый цвет, в сияющую белизну. Но все же нетрудно различить основную черту его творчества: страстное служенье чистой красоте...

Впервые: Литературный альманах "Грани". 1922. кн. 1. с. 212–231.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

Руперт Брук. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!